

Глава 2. ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ – ПЕРВАЯ ВОСТОЧНАЯ ДЕСПОТИЯ?

2.1. Формирование мобилизационного императива в хозяйственной культуре Древнего Египта: гипотеза демографического давления

Мобилизационный императив хозяйственной культуры Древнего Египта представляет собой явление во многом уникальное. В нем удивительным образом сочетались преимущественно служебный характер социального действия египтян и развитая система защиты их индивидуальных прав, многоуровневость служебной пирамиды, обеспечивающей трудовой контроль, и ее способность открывать каналы вертикальной циркуляции, суровая регламентация жизни и являвшийся недостижимым образом для иностранцев-современников гуманизм социально-трудовых практик. Эти на первый взгляд неожиданные комбинации исторических инвариант культуры древнеегипетского общества не нарушали комплиментарности его культурных норм и целостности его институциональной матрицы, благодаря чему на протяжении нескольких тысячелетий Древний Египет оставался олицетворением развития и стабильности. И оттого кажется легко объяснимой та настойчивость, с которой современные исследователи пытаются разгадать тайну возникновения мобилизационного императива хозяйственных практик Древнего Египта, равно как и причины его необыкновенной живучести.

В современной культурологии и социологии широко распространена точка зрения, согласно которой сформировавшаяся на берегах Нила мобилизационная культура сформировалась под решающим влиянием перехода древнеегипетского общества к ирригационному земледелию. Эта точка зрения восходит, наверное, к Карлу Марксу, говорившему о существовании особого «азиатского» способа производства,¹¹⁸ но в завершенном виде нашла свое выражение в трудах Карла Августа Виттфогеля.

Автор гидравлической теории исходил из того, что на ранних этапах цивилизации для успешного ведения земледельческого хозяйства было необходимо одновременное сочетание нескольких условий: наличие пригодных для земледелия растений и плодородной почвы, благоприятный климат и способствующий проведению земледельческих работ рельеф местности. На эти факторы человек в пору своей юности не мог оказывать

¹¹⁸ Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12. С. 710.

«компенсирующего воздействия». Зато он был способен влиять на главный фактор, делающий земледелие возможным – он мог регулировать подачу к полям достаточного количества воды.¹¹⁹

Виттфогель полагал, что на завершающих стадиях неолита в поймах великих рек образовывалась такие приодно-климатические и биосферные условия, специфическая комбинация которых открывала путь для перехода населения от присваивающего способа ведения хозяйства к ирригационному земледелию. Но последнее предполагало проведение сложного комплекса работ, связанных с рытьем и чисткой каналов, сооружением и поддержанием в рабочем состоянии водохранилищ, дамб и дренажных систем, строительством дорог и мест хранения инвентаря и запаса.

Осуществление всего этого комплекса действий требовало формирования вертикально-интегрированного общества, в котором труд основной массы населения организовывался и координировался особой группой функционеров, обладавших необходимыми знаниями и средствами социального контроля и принуждения.

Виттфогель, конечно, видел, что на практике «многие примитивные народы, которые пережили годы и целые эпохи голода без решительного перехода к земледелию, демонстрировали непреходящую привлекательность нематериальных ценностей в тех условиях, когда материальное благополучие может быть достигнуто лишь ценой политического, экономического и культурного подчинения».¹²⁰ Но он полагал, что если ранние общества такой «решительный переход» все же делали, то ценой создания ирригационной экономики неизбежно становилось порабощение основной части населения теми, «кто контролирует эту систему, обладает уникальными возможностями для достижения высшей политической власти».¹²¹ В результате верхушке «менеджерского» общества повсеместно удавалось создать институциональные условия, обеспечивавшие незыблость ее политической власти, и сформировать мобилизационный императив духовной культуры «гидравлического» общества.

Эту универсальную логику Виттфогель и его последователи применяли и по отношению к процессу формирования хозяйственной культуры Древнего Египта, объявляя ее порождением деспотизма правителей, подчинивших своей административной и идеологической власти широкие массы социальных низов.¹²² Отдавая дань уважения пионерам, проложив-

¹¹⁹ Wittfogel K. A. Oriental despotism: a comparative study of total power. New Haven, London: Yale University Press. 1957. P. 11, 13.

¹²⁰ Там же, .р 17.

¹²¹ Там же, р. 27.

¹²² Хрестоматия по истории древнегомира / Под ред. В. В. Струве. Т. 1. Древний восток. Введение. М.: Изд-во «Учпедгиз», 1950.

шим путь к осмыслению причин возникновения мобилизационного императива древнеегипетской хозяйственной культуры, заметим, что с высоты научных знаний XXI века предложенные ими аргументы уже не выглядят безупречными.

Прежде всего, отметим, что большинство современных антропологов соглашаются с утверждением Виттфогеля о необходимости значительных трудозатрат, связанных с осуществлением подготовительных мероприятий, полагая его справедливым как по отношению к заболоченной, так к засушливой территории.¹²³ Большинство исследователей также находят эмпирические подтверждения важности внешней координации обособленных домохозяйств при проведении ими ирrigационных работ. Звучат даже указания на существование связи между степенью централизации государственной власти и уровнем развития ирригации в конкретных областях.¹²⁴

В то же время ряд исследователей все же ставят под сомнение адекватность индуктивных выводов Виттфогеля о том, что рост масштабов ирригационного земледелия имеет прямую связь с ростом бюрократии и усилением деспотизма в сфере труда.

Например, Дункан Сайер полагает, что создание «гидравлической» экономики совсем не обязательно должно приводить к возникновению «гидравлического» государства. Подробные обоснования этому утверждению он приводит в статье «Средневековые водные пути и гидротехническая экономика: монастыри, города и низины восточной Англии».¹²⁵ Согласно данным, полученным автором, средневековая восточная Англия вела «гидравлическое» хозяйство, в то время как, согласно взглядам самого же Виттфогеля, не подпадала под категорию «гидравлического» государства. С другой стороны, Бонг Кант доказывает на примере ранних централизованных государств Кореи, что вертикальная стратификация общества и подчинение большинства меньшинству могут возникнуть и вне связи с необходимостью проведения ирригационных работ. В своей статье «Строительство масштабных водохранилищ и политическая централизация: изучение проблемы на примере древней Кореи» он доказывает, что процесс политической централизации в корейском королевстве Силла начался задолго до начала проведения масштабных ирригационных работ, а административные центры большинства корейских государств

¹²³ Sayer D. Medieval waterways and hydraulic economics: monasteries, towns and the East Anglian fen // World Archaeology 2009. Vol. 41 . № 1. P. 145.

¹²⁴ Price D. H. The evolution of irrigation in Egypt's Fayoum Oasis: state, village and conveyance loss. Ph.D. University of Florida. 1993.

¹²⁵ Sayer D. Medieval waterways and hydraulic economics: monasteries, towns and the East Anglian fen // World Archaeology. 2009. Vol. 41. № 1. P. 134–150.

находились далеко от ирригационных систем, чего, согласно логике Виттфогеля, не должно было наблюдаваться.¹²⁶

К выводам об отсутствии прямой связи между наличием ирригационной экономики и деспотизмом центральной власти приходят антропологи и историки, исследовавшие гидравлические хозяйства, сложившиеся на территориях, располагавшихся на всем протяжении Евразии между крайним Западом и Дальним Востоком. Более того, в результате проведения многочисленных исследований выяснилось, что при создании ирригационных систем во многих случаях не были нужны ни централизация власти, ни вертикальная дифференциация общества, а сами ирригационные системы зачастую создавались отнюдь не в результате плана, а стихийным образом.

Например, антропологи, изучавшие ирригационную экономику ряда восточноафриканских племен, обнаружили, что она была довольно эффективна и без мобилизующих усилий централизованного государства. Функция координации усилий архаичных обществ по созданию и поддержанию в рабочем состоянии ирригационных сооружений вполне успешно выполнялась советом старейшин и общим собранием всех мужчин.¹²⁷

Способность создавать ирригационные системы путем самоорганизации демонстрировалась в древности и населением Средней Азии. Например, в долине Зеравшана общинам удалось сформировать систему взаимосвязанных локальных ирригационных сетей, орошающих территорию общей площадью более тысячи квадратных километров.¹²⁸ Интересно отметить, что границы возникших в Средневековье среднеазиатских феодальных государств так же, как и в Корее, не совпадали с границами созданных общинами ирригационных систем, что является дополнительным аргументом в пользу не «гидравлической» природы деспотий Центральной Азии.¹²⁹

Попытку обнаружить связь между ирригацией и концентрацией власти в ходе кросс-культурного исследования предприняла Сюзанна Лийс. В своей статье «Иrrигация и общество» она представила многочисленные эмпирические данные об ирригационной экономике, созданной людьми в

¹²⁶ Kang B. W. Large-scale reservoir construction and political centralization: a case study from ancient Korea // Journal of Anthropological Research. 2006. Vol. 62. № 2. P. 193–216.

¹²⁷ Davies M. Wittfogel's dilemma: heterarchy and ethnographic approaches to irrigation management in Eastern Africa and Mesopotamia // World Archaeology. 2009. Vol. 41. № 1. P. 17–22.

¹²⁸ Stride S., Rondelli B., Mantellini S. Canals versus horses: political power in the oasis of Samarkand // World Archaeology. 2009. Vol. 41. № 1. P. 78.

¹²⁹ Там же, p. 79.

разных частях света и в разное время. Однако в результате проведенного исследования наличие такой связи не находило убедительных подтверждений. Напротив, широкие антропологические данные могли бы свидетельствовать о противоположном: контроль над гидравлическими сооружениями оказывается эффективным лишь в случае, если он осуществляется на локальном уровне. Усиление же центральной бюрократии по общему правилу не только не способствует эффективности ирригационного хозяйства, но и препятствует его развитию.¹³⁰

Таким образом, данные и выводы современных социологов, культурологов и антропологов способны поставить под сомнение основополагающие утверждения Виттфогеля как о невозможности эффективного ведения ирригационного земледелия без концентрации политической власти, так и о неизбежности возникновения централизованного «деспотического» государства в связи с переходом к гидравлической экономике. Это ослабляет эвристическую ценность и ставит под сомнение полноту виттфогелевского объяснения причин возникновения принуждения к труду на берегах Нила, побуждая исследователя к поиску тех обстоятельств возникновения этого феномена, на которые автор гидравлической теории не обратил своего внимания.

В попытке обнаружить их присмотримся повнимательнее к особенностям природно-климатических, демографических и социально-экономических процессов, протекавших в Северной Африке и на Ближнем Востоке в эпоху неолита.

Прежде всего, заметим, что цивилизация Древнего Египта на деле оказывается не такой уж и древней, как это было принято считать до недавнего времени. Напротив, беспристрастный анализ геологических и археологических данных позволяет заключить, что Египет относительно поздно вступил на путь цивилизованного развития, а победа египтян вгонке с другими ближневосточными обществами за создание централизованного государства объясняется лишь невероятной стремительностью, с которой им удалось перейти к производящему хозяйству и пройти фазу государственного строительства. Интересно заметить, что как длительное отставаниеprotoегиптян в развитии, так и их ошеломительная победа в цивилизационном соревновании с соседями, по-видимому, имеет одну и ту же причину – климатические явления, происходившие на севере неолитической Африки и вызванные ими демографические процессы.

Действительно, природно-демографические условия, сложившиеся в принильских территориях, долгое время не способствовали освоению ее обитателями производственной деятельности. Более того, по завершению

---

¹³⁰ Lees S. H. Irrigation and society // Journal of Archaeological Research. 1994. Vol. 2. № 4. P. 364.

около 10000 лет назад фазы катастрофических наводнений¹³¹ в долине Нила не было зафиксировано роста численности населения. Напротив археологи даже отмечают тенденцию ее депопуляции. Объяснения этому явлению кроются в особенностях изменения климата в регионе.

Как известно, период с 10000 по 8000 лет до н.э. Передняя Азия и Аравийский полуостров были покрыты цветущими садами и саваннами. Дельта Нила напротив была совершенно непригодна для ведения производящего хозяйства. Река не оставляла плодородный ил в пойме и в дельте, а смывала его в море, где этот необходимый для земледелия ресурс рассеивался течениями.¹³² Песчаная равнина, которую представляли собой берега Нила, могла быть вмещающим ландшафтом разве что для рыбной ловли, но никак не для систематического ведения сельского хозяйства. Принимая во внимание это обстоятельство, не стоит удивляться тому, что современная наука до сих пор не зафиксировала факта существования постоянных поселений на берегах Реки возрастом 12000–8000 лет, за исключением местности, расположенной у второго порога Нила.¹³³ Те же поселения, которые были обнаружены, большей частью представляли собой только временные стоянки охотников и рыболовов.¹³⁴

Спустя 3000 лет на смену времененным стоянкам приходят сезонные поселения, но характер деятельности обитавших в них людей практически не претерпел изменений: берега Нила по-прежнему осваивались преимущественно рыболовами. Например, в результате раскопок поселения возрастом около 8000 лет в районе аль-Кабе было установлено, что оно также не было постоянным. Люди обитали в нем, скорее всего, с июля по ноябрь и занимались рыболовством на затопленной разливом пойме.¹³⁵

Подобная демографическая ситуация на берегах Реки объясняется тем, что раннеголоценовое потепление и увлажнение климата Африки, произошедшее около 8000 лет назад, делало песчаные берега Нила с их редкой растительностью куда менее привлекательным местом для жизни и ведения хозяйства в сравнении с Сахарой и Сахелем, изобиловавшими флорой и фауной.

¹³¹ Butzer K. W. Pleistocene History of the Nile Valley in Egypt and Lower Nubia. In Williams, M. A. J., Faure, H. (eds.) *The Sahara and the Nile: Quaternary Environments and Prehistoric Occupation in Northern Africa*. Rotterdam: Balkema. 1980. P. 253–280

¹³² Stanley D. J., Warne, A. G. Nile Delta: Recent Geological Evolution and Human Impact. *Science*. 1993. P. 628–634.

¹³³ Connor, R. D., Marks, A. E. The Terminal Pleistocene on the Nile: The Final Nilotic Adjustment. In Straus, L. G. (ed.) *The End of the Paleolithic in the Old World*. Oxford: British Archaeological Reports, 1986. P. 171–199.

¹³⁴ Wendorf F. A., Schild R., Haas H. A New Radiocarbon Chronology for Prehistoric Sites in Nubia. *Journal of Field Archaeology*. 1979. № 6. P. 219–223.

¹³⁵ Прусаков Д. Б. О причине «позднего» перехода к неолиту // История и современность. 2005. № 2. С. 81.

О том, что север Африки некогда представлял собой благодатный край, свидетельствуют найденные в современной пустынной местности многочисленные кости животных, а также наскальные рисунки со сценами охоты на них.¹³⁶ Некоторые артефакты будто бы свидетельствуют в пользу того, что население, обитавшее около 8000 лет назад на территории современных пустынь западного Египта, Ливии и Судана, занималось не только охотой, но и начало осваивать элементы присваивающей-производящей модели хозяйства. Так, некоторые исследователи усматривают в наскальных рисунках того периода образы пастухов, сопровождающих свои стада, а также рассматривают возможность того, что найденные в пустыне россыпи камней с проделанными отверстиями могли применяться жителями Сахары в качестве якорей для домашних животных.¹³⁷ Ряд специалистов высказывается в пользу того, что одомашнивание крупного рогатого скота могло здесь произойти уже 7500–7000 лет до н.э.¹³⁸

О более высоком уровне развития хозяйства Сахары и Сахеля говорят и результаты радиоуглеродного анализа предметов быта, найденных на этих территориях. Например, в Сахаре были обнаружены многочисленные предметы, соответствующие уровню развития неолита – каменные зернотерки и наконечники для стрел,¹³⁹ разнообразные керамические изделия, возрастом примерно 9800–9200 лет.¹⁴⁰

Все это позволяет заключить, что «избыток пищи, образовавшийся в пустынях Северо-Восточной Африки с превращением их по окончании ледниковой эпохи в цветущие саванны, обусловил устойчивое предпочтение обитателями раннеголоценового Египта охоты и собирательства в Сахаре трудоемкому освоению неприветливой малоплодородной долины Нила».¹⁴¹

Суровые условия, наблюдавшиеся 12000–8000 лет до н.э. на территории будущего Египта, приводили не только к ее депопуляции, но и к другому негативному следствию. Похоже, дефицит ресурсов порождал здесь многочисленные и ожесточенные столкновения людей в борьбе за

¹³⁶ Rhotert H. Libysche Felsbilder. Darmstadt: Wittich. 1952. P. 609–635.

¹³⁷ Pachur, H.-J. Tethering Stones as Palaeoenvironmental Indicators // Sahara. 1991. № 4. P. 13–32.

¹³⁸ Banks K. M. Climates, Cultures, and Cattle. New Delhi: Department of Anthropology, Institute for the Study of Earth and Man, Southern Methodist University. 1984.

¹³⁹ Mori F. Tadrart Acacus. Arte rupestre e culture del Sahara preistorico. Torino: Einaudi. 1965.

¹⁴⁰ Nelson K. The Pottery of Nabta Playa: A Summary. In Wendorf, F. A., Schild, R. (eds.) Holocene Settlement of the Egyptian Sahara. Vol. 1. New York: Kluwer Academic Plenum Publishers. 2001. P 534–543.

¹⁴¹ Прусаков Д. Б. О причине «позднего» перехода к неолиту // История и современность. 2005. № 2. С. 84.

выживание,¹⁴² что еще более ограничивало их в возможностях социально-экономического и культурного развития. О том, что такие столкновения в действительности могли иметь место, говорят археологические находки. Например, более 40 % из 59 костных останков, найденных в могильнике Джебель Сахаба в районе Вади Хальфа, организованном примерно 10000 лет до н.э., содержат признаки насильственной смерти. Мужские, женские и детские скелеты имели следы ударов каменными орудиями, их черепа были проломлены, конечности имели многочисленные механические повреждения.¹⁴³

Однако в период 10000–5500 лет до н.э. на фоне «большого увлажнения раннего голоцен»¹⁴⁴ климат в Северной Африке начал меняться. Для Египта эти изменения оказались благоприятными. В это время становится более стабильным сток воды из озер Виктория и Альберт в Реку, в результате чего амплитуда колебаний ее уровня существенно снизилась, а русло ее стало более стабильным. Это создало предпосылки для формирования в русле и дельте Нила илистых отложений, необходимых для плодородного почвенного покрова,¹⁴⁵ необходимого для ведения сельского хозяйства. Не случайно именно этим временем датируются первые находки, свидетельствующие о разведении зерновых и бобовых культур.¹⁴⁶ С другой стороны, климатические изменения, оказавшиеся благоприятными для территорий будущего Египта, сулили мало хорошего людям, населявшим Сахару, Сахель, Ближний Восток и Аравийский полуостров. Например, произошедшее около 8000 лет назад иссушение на фоне походления вызвало коллапс культуры PPNB в Палестине и на Синайском полуострове, существенное снижение хозяйственной и культурной активности на территориях современной Ливийской пустыни и Судана. «Иссушение среднего голоцена» своей высшей точки в Северной Африке достигла около 5500 лет до Р.Х.¹⁴⁷ Баланс обеспеченности человека ресурсами сместился в сторону принильских территорий. Естественным следствием из этого явился отток населения, прежде всего, из пустыни к запа-

¹⁴² Wendorf, F. A. The Prehistory of Nubia. Vol. 2. Dallas: Fort Burgwin Research Center and Southern Methodist University Press. 2001. P. 954–995.

¹⁴³ Там же, p. 954–995.

¹⁴⁴ Midant-Reynes B. The Prehistory of Egypt: From the First Egyptians to the First Pharaohs. Oxford: Blackwell Publishers, 2000.

¹⁴⁵ Williams M. A. J. Age of Alluvial Clays in the Western Gezira, Republic of the Sudan. Nature 211. 1966. P. 270–271.

¹⁴⁶ Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства: проблема первичных и вторичных очагов. М.: Наука, 1989.

¹⁴⁷ Lubell, D. Late Pleistocene – Early Holocene Maghreb. In Peregrine N., Ember M. (eds.) Encyclopedia of Prehistory. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers. Vol. 1. 2001. P. 129–149.

ду от Египта¹⁴⁸ и его приток на берега Нила, которые испытали на себе резкое уплотнение человеческой массы. В свою очередь миграционные процессы, приобретшие на территории Северной Африки в конце 5 – начале 4 тысячелетий до н. э. массовый характер, не могли не сказаться на особенностях становления производящей культуры на территориях, ставших впоследствии вмещающим ландшафтом для египетского государства.

Так, при увеличении демографической нагрузки в дельте и пойме Нила, вероятно, стало проявляться правило, согласно которому «чем больше относительное число потребителей, тем больше каждый производитель (в среднем) должен работать, чтобы обеспечить приемлемый конечный продукт на душу в домохозяйстве в целом».¹⁴⁹ Иными словами, в рассматриваемый период времени территории вокруг реки поразил социально-экологический кризис,¹⁵⁰ связанный с падением обеспеченности населения жизненными ресурсами.

Следует иметь в виду, что ни экономическая теория, ни социология не утверждают, что увеличение числа людей, населяющих территорию, обязательно должно приводить к падению их жизнеобеспеченности. Напротив, обеспеченность людей ресурсами может даже повышаться, но при условии опережающего роста производительности труда. Определены сегодня и два основных пути решения этой задачи. К ним относятся развитие средств производства и разделение труда.

Первый из них связан с совершенствованием орудий труда, открытием новых материалов, новых технологий их обработки и способов присвоения ресурсов. Но у нас нет оснований думать, что в своем переходе к производящему хозяйствуprotoегиптяне имели возможность встать на этот путь. Уровень производительных сил обитателей берегов Нила был в ту пору не высоким, и оттого не мог обеспечить скачка «производящих» технологий. Например, если историки располагают данными о постоянном совершенствовании технологий индивидуального труда собирателя и охотника на берегах Реки, то у них нет свидетельств о том, что аналогичными темпами совершенствовались технологии веденияprotoегиптянами коллективного производящего труда. В частности, звестно, что в VI тыс. до н. э. в пойме Нила наблюдалось постоянное усовершенствование способов и средств рыбной ловли,¹⁵¹ в то время как не было зафиксировано видимых изменений средств труда,

¹⁴⁸ Hassan F. A., Holmes D. L. The Archaeology of the Umm el-Dabaid Area, Kharga Oasis, Egypt. Cairo: Geological Survey of Egypt, 1985.

¹⁴⁹ Салинз М. Экономика каменного века. М. 1999. С. 97–100.

¹⁵⁰ Кульпин Э. С. Человек и природа в Китае. М.: Наука, 1990.

¹⁵¹ Midant-Reynes B. The Prehistory of Egypt: From the First Egyptians to the First Pharaohs. Oxford: Blackwell Publishers. 2000.

которые могли использоваться людьми при ведении сельского хозяйства и животноводства. Показательно в связи с этим отсутствие в культуре Буто–Маади, относящейся к IV тыс. до н. э. и непосредственно предшествовавшей возникновению государства в Египте, признаков использования в хозяйственной деятельности серпа.¹⁵²

Роста производительности трудаprotoегиптян на основе развития средств производства не могли обеспечить и технологии, которыми располагали их соседи. Например, культура раннего Хартума, созданная на пойменных территориях долин в слиянии Голубого и Белого Нила¹⁵³, которая, по мнению ряда исследователей, и является предтечей неолита на Ниле, также не была еще в полной мере «производящей». Населявшие эти земли люди, по всей видимости, вели полуоседлый образ жизни, размещая свои сезонные стоянки на пойменных землях в сезон между разливами реки. При этом на территории поселений не было найдено очагов, обнаруженные строения не имели опор из столбов, так же не было обнаружено достоверных доказательств разведения домашних животных и культивирования растений. Археологические данные свидетельствуют о том, что основным видом хозяйственной деятельности хартумцев была охота на речных животных и рыболовство. При этом последнее производилось с помощью костяного гарпуна с зазубринами, а также сети и лука со стрелами.¹⁵⁴ Тем самым, археологические данные не дают оснований считать, культуре берегов Нила и окружающих его территорий был свойственен производящий характер, и чтоственные ей средства труда и технологии могли обеспечить рост производительности труда на территории будущего Египта.

Не имея возможности ответить на вызов демографической нагрузки качественным технологическим скачком, protoегиптяне, вероятно, гипотетически могли бы встать на альтернативный путь повышения производительности труда – на путь его глубокого разделения. Действительно, современная экономическая теория и социология исходят из того, что «объединенные усилия более эффективны и производительны, чем изолированная деятельность самодостаточных индивидов»,¹⁵⁵ и указывают на

¹⁵² Rizkana I., Seeher J. Maadi II: The Lithic Industries of the Predynastic Settlement. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern. 1988.

¹⁵³ Late Quaternary Depositional History of the Blue and White Nile Rivers in Central Sudan. In Williams, M. A. J., Faure, H. The Sahara and the Nile: Quaternary Environments and Prehistoric Occupation in Northern Africa. Rotterdam: Balkema, 1980. P. 281–362.

¹⁵⁴ Arkell, A. J., Ucko, P. J. Reviews of Predynastic Development in the Nile Valley. Current Anthropology 6. 1965. P. 145–166.

¹⁵⁵ Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. М: Социум, 2012. С. 129.

позитивную функцию разделения труда – вызываемый этим процессом рост производительности. Важно отметить при этом, что предпосылки для инициирования этого процесса на берегах неолитического Нила имелись, поскольку плотность населения и накал борьбы за жизнь на вмещающем ландшафте будущего Древнего Египта росли, а, согласно Эмилю Дюркгейму, «всякое уплотнение социальной массы, особенно если оно сопровождается ростом населения, с необходимостью вызывает прогресс разделения труда».¹⁵⁶ Утверждение классика социологии о зависимости степени социальной дифференциации от плотности населения находит убедительные эмпирические подтверждения в исследованиях современных антропологов. Например, зависимость эта была количественно описана А.В. Коротаевым¹⁵⁷ с помощью корреляционного анализа данных о социокультурных характеристиках 165 народов разных стран и эпох, описанных Джорджем Питером Мердоком.¹⁵⁸ Но вот только сценарий, по которому процесс профессиональной дифференциации протекал на берегах Реки, существенно отличался о того, что был описан в классических работах экономистов и социологов позапрошлого века.

Вспомним, к примеру, как разделение труда в каменном веке представлял себе Адам Смит. Действуя в рамках европейской научной парадигмы и основываясь на знаниях своей эпохи, Смит объявлял разделение труда стихийным самоорганизующимся процессом. В своей монографии «Богатство народов» он рассуждает так: «Склонность к обмену породила первоначально... разделение труда. В охотничьем или пастушеском племени один человек, например, выделяет луки и стрелы с большей быстротой и ловкостью, чем кто-либо другой. Он часто выменевает их у своих соплеменников на скот и дичь; в конце концов, он видит, что может получить таким образом больше скота и дичи, нежели охотой. Соображаясь со своей выгодой, он делает изготовление луков и стрел своим главным занятием и становится таким образом своего рода оружейником... Таким же путем третий становится кузнецом или медником, четвертый – кожевником или дубильщиком шкур или кож, главных частей одежды дикарей».¹⁵⁹

Эта картина разделения труда в первобытном племени может сегодня показаться реалистичной только неискушенному читателю. Современный социолог и антрополог скорее посчитают, что описанная класси-

¹⁵⁶ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Наука, 1996. С.250.

¹⁵⁷ Коротаев. А.В. Математическое моделирование Мир-Системы. Демография, экономика, культура. 2-е изд. М.: КомКнига/URSS, 2007.

¹⁵⁸ Murdock G. P. Africa: Its peoples and their culture history. New York: McGraw-Hill, 1959. P. 158.

¹⁵⁹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкиз, 1962. С. 490.

ком модель дифференциации видов хозяйственной деятельности едва ли могла воплотиться на берегах неолитического Нила. Прежде всего потому, что великий британский теоретик XVIII века, вероятно, совершил ошибку уже в своих исходных допущениях, наделив первобытных людей чертами, свойственными людям его времени и его культуры: эгоизмом, рационализмом, склонностью инновациям, независимостью в принятии решений. Напротив, с позиции современного знания куда более верным выглядит образ первобытного человека, данный Карлом Марксом, который справедливо заметил: «Чем больше мы углубляемся в историю, тем в большей степени … производящий индивидуум выступает несамостоятельный, принадлежащим более обширному целому». ¹⁶⁰

Этот образ впоследствии был детализирован результатами исследований антропологов и этнографов. В итоге сегодня мы с высокой степенью уверенности можем говорить о том, что на заре человечества основными агентами хозяйственной деятельности являлись – повторим мы вслед за Марселем Моссом – отнюдь «не индивиды, а коллективы; участвующие в договоре являются юридическими лицами: это кланы, племена, семьи, которые встречаются и сталкиваются друг с другом группами либо непосредственно, либо через посредничество своих вождей, либо обоими способами одновременно». ¹⁶¹ Более того, современная антропология выдвигает гипотезу о том, что первые обменные операции имели не столько экономическую, сколько общественную природу. Так, один из родоначальников экономической антропологии Карл Поланьи отмечал: «Что касается происхождения бартера, то ничто не могло быть менее убедительным для философа *Gemeinschaft*, нежели смитовское предположение о склонности к обмену, якобы присущей индивиду. Обмен, ..., возник из потребностей разросшейся семьи, члены которой первоначально сообща пользовались вещами, которыми сообща и владели. Когда их численность возросла и они были вынуждены переселиться порознь, то вдруг обнаружилось, что им не хватает каких-то вещей, которыми они ранее пользовались сообща и которые теперь приходится получать друг у друга. В результате они стали делиться друг с другом. Короче, взаимность такой помощи достигалась в форме бартера. Отсюда — обмен». ¹⁶² Принимая во внимание, что смитовский образ «экономического человека», вероятно, мог только

¹⁶⁰ Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857-1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12. С. 710.

¹⁶¹ Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общество. Обмен. Личность. М.: Восточная литература, 1996. С. 88–89.

¹⁶² Поланьи К. Аристотель открывает экономику // Истоки: экономика в контексте истории и культуры. Вып. 5. / Гл. ред. Я.И. Кузьмина; зам. гл. ред. В.С. Автономова; ред. О.И. Ананьина и др. М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2004. С. 43.

отдаленно походить на действительный портретprotoегиптянина, выражавшего в своих действиях не столько собственные интересы, сколько интересы своей группы, несложно понять, что основанный на самоорганизации механизм разделения труда в условиях неолитического Египта лишился бы своей энергии – индивидуализма и эгоизма независимых хозяйственных агентов – и попросту не смог бы работать.

Более адекватное представление о процессе дифференциации видов деятельности в обществе protoегиптян может проистекать из понимания того, какое именно благо рассчитывал бы получить человек, специализирующийся на оказании какой-либо услуги, в качестве вознаграждения. Очевидно, что при отсутствии денег желательным для него стало бы благо, обладающее одновременно высокой потребительной ценностью и относительной редкостью. Ясно также, что в эпоху каменного века и в условиях дефицита пищевых ресурсов место такого блага должна была занимать еда. Таким образом, можно предположить, что на берегах неолитического Нила механизм разделения труда был теснейшим образом связан с механизмом распределения пищевых ресурсов.

Но могли ли пищевые ресурсы распределяться protoегиптянами в ходе обменных операций в качестве платы за оказанную услугу, как об этом говорил Смит? Навряд ли. Дело в том, что практически во всех исследованных культурах, предшествующих цивилизации, на торговлю пищей накладывался запрет. В большинстве примитивных обществ еда имела сакральное значение, а ее передача являлась символическим средством выражения дружелюбия, а иногда подчинения, и оттого не могла рассматриваться в качестве средства платежа.

Например, согласно Гиффорду, в исследованных им племенах помимо обмену или продаже подлежали только изделия ручного ремесла, но никак не пища. Она могла преподноситься лишь в дар, передаваться родственникам или даже чужакам как знак добрых намерений и благожелательности.¹⁶³ Аналогичные наблюдения фиксировали Кройбер, исследовавший культуру индейцев Калифорнии.¹⁶⁴ Филипп Драккер, изучивший быт и обычай племени толова-тутутни,¹⁶⁵ Хортенс Поудермейкер, описавший культуру племени лезу¹⁶⁶, и многие другие. Обменные операции с едой не поощрялись даже в обществах с весьма сложной социальной структурой и

¹⁶³ Gifford E. W. Clear Lake Pomo Society. University of California Publications in American Archaeology and Ethnology, 1926. P. 287–390.

¹⁶⁴ Kroeber A. L. Handbook of the Indians of California. Smithsonian Institution Bureau of American Ethnology Bulletin 78. Washington, U.S. Government Printing Office. 1925.

¹⁶⁵ Drucker, P. The Tolowa and their Southwest Oregon Kin. University of California Publications in American Archaeology and Ethnology 1937. P. 221–300.

¹⁶⁶ Powdermaker H. Life in Lesu. New York: Norton. 1933. P. 195.

развитой торговлей. Подтверждения этому мы можем найти у Роберта Спенсера, отмечавшего, в частности, что эскимосы Аляски, подобно менее развитым племенам лесов жаркого пояса, старались исключить пищу из торговли и даже в ходе торговых операций обменивались ею только как подарками для закрепления сделок.¹⁶⁷

Не имея веских оснований полагать, что обществоprotoегиптян было исключением из представительного списка первобытных обществ, где правил императив запрета на обменные операции с едой, несложно предположить, что на вмещающем ландшафте будущего Древнего Египта дифференциация видов деятельности должна была поддерживаться механизмом распределения еды, не основанном на обмене.

И такой механизм в первобытных племенах был выработан. Маршалл Салинз называл его механизмом «редистрибуции», которую он определял как «сбор с членов группы, часто идущий в одни руки, с последующим перераспределением в пределах той же группы».¹⁶⁸ Сбор этот производился вождями, располагавшими для этого всеми необходимыми полномочиями, средствами социального контроля и аппаратом принуждения. По словам Салинза, «вожди имели права распоряжаться трудом и сельскохозяйственной продукцией дворов в своих владениях... Вождю не приходится кланяться для того чтобы обязать того или иного человека... Экономическая власть над группой полагалась вождю по наследству».¹⁶⁹

Результаты наблюдений антропологов за редистрибутивными практиками примитивных племен говорят о том, что вожди имели не только права по отношению к участникам возглавляемой ими группы, но и обязанности. Получив в свое распоряжение пищевые ресурсы, вождь, как правило, распоряжался ими во благо всей группы, стремясь поддерживать достаточный уровень жизнеобеспечения ее членов. В свою очередь лица, передававшие вождю жизненные ресурсы, не требовали ничего взамен, напрочь лишая такую трансакцию какого-либо «коммерческого» смысла и, следовательно, не противопоставляя ее существовавшим в первобытных племенах культурным императивам. Делая подношения, они лишь символически подтверждали легитимность института вождества и выражали свою готовность разыгрывать отведенные им социальные роли.

Несложно догадаться, что подобная форма отношений представляла собой своего рода реципрокный обмен, в ходе которого все его участники получали свое: вожди – знаки подтверждения своей власти и относительно

¹⁶⁷ Spencer R. The North Alaskan Eskimo: A Study in Ecology and Society. Washington: U. S. Government Printing Office, 1959. P. 204–205.

¹⁶⁸ Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999. С. 173.

¹⁶⁹ Sahlins M. Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief; Political Types in Melanesia and Polynesia, In: Comparative Studies in Society and History. Vol. 5, № 3, 1963. P. 298.

постоянный состав группы, а участники группы – относительно стабильную обеспеченность жизненными благами. И если такая форма объединения в действительности имела место в племенахprotoегиптян, то она стала бы хорошей иллюстрацией справедливости теоретических построений Карла Поланьи, отмечавшего: «Реципрокность как форма интеграции становится значительно более мощной в силу своей способности использовать перераспределение и обмен в качестве вспомогательных методов. Она может достигаться посредством распределения трудового бремени в соответствии с определенными правилами перераспределения. Аналогично реципрокность иногда достигается посредством обмена в установленных пропорциях который выгоден партнеру, испытывающему необходимость в чем-либо, – это один из Фундаментальных институтов обществ Древнего востока. В результате в нерыночных экономиках две формы интеграции – реципрокность и перераспределение – работают вместе...».¹⁷⁰

Создание на берегах Реки механизма интеграции, основанном на генерализованной реципрокности, приводило к двум важным последствиям.

Прежде всего, в рамках вертикально интегрированного общества становилось возможным повысить уровень согласованности действий домохозяйств, производящих жизненные средства. Ведь координация могла бы «оказаться непростым делом при независимости управления отдельными стадиями производства».¹⁷¹ При этом она становилась особенно важной в условиях социально-экономического кризиса, который «...усиливает приверженность каждого домохозяйства своим собственным интересам и не стимулирует производство для других».¹⁷² И оттого в условиях повышения демографической нагрузки на территорию и вызванного ею дефицита жизненных ресурсов можно было бы считать естественным отходprotoегиптян от «мелкой анархичности домашних производственных групп» и их выбор в пользу «более мощных сил и более крупных организаций, институтов социально-экономического характера, которые связывают один дом с другим и подчиняют все их общему интересу».¹⁷³

Вторым важным следствием создания реципрокности на основе централизованного распределения было то, что она способствовала росту структурной и функциональной дифференциации неолитического общества. Как отмечал Поланьи, «реципрокность обозначает перемещения между соответствующими точками в симметричных группах; пере-

¹⁷⁰ Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология., 2002. Т. 3. № 2. С. 72.

¹⁷¹ Уильямсон О. Вертикальная организация производства: Соображения по поводу неудач рынка // Теория фирмы / Под ред. В.М. Гальперина. СПб: Экономическая школа, 1995. С.48.

¹⁷² Салинз М. «Экономика каменного века» М. 1999. С. 95.

¹⁷³ Там же, с. 97.

распределение представляет собой акты «стягивания» товаров центром с их последующим перемещением из центра... Следовательно, реципрокность предполагает наличие симметрично расположенных групп; пере распределение зависит от существования в группе определенной степени централизованности». ¹⁷⁴ Принимая такую логику можно заключить, что «если некая группа вознамерится построить свои экономические отношения на реципрокной основе, (то) для достижения своих целей она должна будет разбиться на подгруппы, члены которых смогут идентифицировать друг друга в качестве таковых». ¹⁷⁵ При этом «... чем более тесны связи в рамках более крупной единицы, тем более разнообразны подгруппы, в которых может эффективно действовать система перераспределения». ¹⁷⁶ Действие описанного Поланьи механизма структурно-функциональной дифференциации в условиях политической централизации, имманентно свойственной вождеству, дополнялось силовым давлением аристократии неолита. Вожди имели необходимые социальные ресурсы для того, чтобы «сделать для человека службу другому человеку сутью своего статуса (путем применения уже) не экономической, а политической власти». ¹⁷⁷ Используя свои ресурсы, вожди ломали автономию домохозяйств в сфере собственности и тем самым ускоренно вовлекали их в процесс разделения труда. Убедительные свидетельства этому содержат результаты антропологических исследований современных нам племен. Например, Салинз, сравнивая относительно «передовые» формы организации общественной жизни в Полинезии с относительно «отсталыми» формами социальной интеграции Меланезии, отмечал: «Более высокий потенциал полинезийских вождей в точности соответствует большему давлению, которое они способны осуществить на производство семейного хозяйства одновременно увеличивая прибавочный продукт и направляя его на более широкое разделение труда, совместное строительство, масштабные церемониальные и военные акции. Полинезийские вожди были более эффективным инструментом общественного сотрудничества на экономическом, политическом, да на самом деле и на всех культурных фронтах». ¹⁷⁸

¹⁷⁴ Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология., 2002. Т. 3. № 2.С. 69.

¹⁷⁵ Там же, с. 71.

¹⁷⁶ Там же, с. 73.

¹⁷⁷ Поланьи К. Аристотель открывает экономику // Истоки: экономика в контексте истории и культуры. Вып. 5 / Гл. ред. Я.И. Кузьминова; зам. гл. ред. В.С. Автономова; ред. О.И. Ананьина и др. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2004. С. 29.

¹⁷⁸ Sahlins M. Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief; Political Types in Melanesia and Polynesia, In: Comparative Studies in Society and History, vol. 5, No.3. April 1963. P. 303.

Несложно понять, что увеличение производительности труда, обеспеченное ростом централизации политической власти нильской аристократии, с неизбежностью должно было сопровождаться процессом вертикальной дифференциации обществаprotoегиптян, увеличением социальной дистанции между представителями различных социальных страт, возникновением практик принуждения к труду. Завершенной формой воплощения этой тенденции на берегах Нила стала мобилизационная экономика, основанная на обязательном участии людей в периодически сменяющихся друг друга видах сезонных работ, и приводящаяся в движение не эгоизмом независимого хозяйственного агента, а его установками на исполнение служебного долга, подкрепленными силой идеологического и административного давления.

Вероятно, не следует думать, что неолитические племена поймы и дельты Нила сознательно выбрали для себя подобный путь развития. Можно лишь отчасти согласиться с мнением, согласно которому «среди разнообразия локальных ландшафтно-экологических ниш позднеледниковой долины Главного Нила бродячие или полуоседлые группы ее населения... располагали «выбором» множества вариантов ...жизнеобеспечения». ¹⁷⁹ Наш анализ показывает, что племена эти были все же весьма ограничены в своих стратегических решениях, которые во многом были предопределены характером климатических, биосферных и демографических процессов, протекавших на берегах Нила, а также на окружающих его территориях Северной Африки в 8-6 тысячелетиях до н.э. Находясь под прессом демографической нагрузки на территорию и оказавшись перед лицом голода, protoегиптяне в ходе неолитической революции нашли едва ли не единственный возможный выход из социально-экономического кризиса. Они создали новый тип социальной солидарности, основанный на императиве исполнения служебного долга, предполагавший перераспределение ответственности за принятие хозяйственных решений от домохозяйств в пользу менеджеральной аристократии, и требовавший широкого распространения практик обязательного участия в общественных работах всех слоев населения.

Эта социальная инновация имела решающее значение для будущего Древнего Египта. Ведь она обеспечила создание структурных, культурных и институциональных условий для роста эффективности хозяйстваprotoегиптян, обеспечив ускоренное развитие процесса разделения труда, существенное повышение его интенсивности и производительности. Важно учитывать также, что принятие императивов мобилизационной экономики

---

¹⁷⁹ Прусаков Д. Б., Большаков А. О. Рец. на кн.: Шеркова Т. А. Рождение Ока Хора: Египет на пути к раннему государству. М.: Практис, 2004 // Вестник древней истории. 2006. № 1.

помогло населению берегов Реки решить не только текущие задачи выживания. В дополнение египтяне получили важные стратегические преимущества в конкурентной борьбе с окружавшими племенами. Ведь построение прочной материальной базы для устойчивого социального воспроизведения и институциональное закрепление практик социальной иерархии позволили им первыми на Ближнем Востоке построить централизованное государство и на протяжении многих столетий демонстрировать свое культурное и политическое доминирование в регионе.

2.2. Деспотизм древнеегипетской менеджеральной аристократии: миф или реальность?

В современном научном сообществе до сих пор нередко высказывается мнение о том, что хозяйственная культура Древнего Египта не была чужда деспотизму, что она была порождена произволом жестоких правителей и покоилась на страхе и бесправии социальных низов.¹⁸⁰ В немые свидетели этого обычно призываются дошедшие до нас циклопические сооружения, которые при достигнутом древними египтянами уровне развития средств производства едва ли удалось бы было создать без принуждения к труду огромных и хорошо организованных масс людей. Кроме того, в пользу процветания деспотизма в Нильском государстве может свидетельствовать блистающая своей завершенностью иерархическая структура древнеегипетского общества, которая, согласно распространенному мнению, могла возникнуть только в ходе длительного развития. Ну а то, что Египет за явным преимуществом выиграл цивилизационную гонку у Междуречья и первым на Ближнем Востоке построил централизованное государство, могло бы говорить о том, что и вступил он в эту гонку прежде других, и, следовательно, оказался наиболее удаленным от добродетелей современного общества – индивидуальной свободы, легитимности рациональной бюрократии, развитой системы правовой защиты личности, и т.д.¹⁸¹

Восприятию Древнего Египта как первой восточной деспотии немало способствовало и то обстоятельство, в отличие, например, от жителей Месопотамии, позаботившихся о том, чтобы оставить современному исследователю сведения о своей культурно-хозяйственной жизни на десятках тысяч прекрасно сохранившихся глиняных табличках, египтяне оказались куда менее предусмотрительными. Папирус и кожа, которые в большинстве случаев использовались ими как носитель информации, были ма-

---

¹⁸⁰ Хрестоматия по истории Древнего мира. / под ред. В. В. Струве. Т. 1. Древний Восток. Введение. М.: Изд-во «Учпедгиз», 1950.

¹⁸¹ Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12. С. 710.

териалом недолговечным и легко подвергаемым порче. И потому не кажется странным, что до нас дошло ограниченное число древних свитков, равно как и то, что записанные на них тексты оказываются сильно поврежденными, а содержащаяся в них информация носит отрывочный характер. В условиях дефицита информации даже добросовестный исследователь во многих случаях попросту вынужден строить анализ хозяйственной системы Древнего Египта на основе широкого привлечения метода исторической реконструкции.

В ходе реализации этого метода сложно удержаться от искушения использовать при интерпретации известных нам социальных фактов современные ценностные и научные критерии, а, следовательно, избежать этноцентризма при оценке культурно-хозяйственных практик «гидравлических» обществ, приписывая им антигуманизм и неспособность к прогрессу.¹⁸² Однако если исследователю все же удается остаться на позициях культурного релятивизма, то у него появляется возможность сформировать более адекватную модель восприятия культурно-хозяйственной системы Древнего Египта.

Прежде всего, можно оспорить распространенное и по сей день в науке мнение о том, что отпечаток деспотизма был запечатлен в самой организации социальной системы Древнего Египта. Ее вертикально-интегрированный характер долгое время считался верным спутником «закрытости» общественной системы, консервирующей привилегированное положение правящей верхушки и отгораживающей ее барьерами многоступенчатой иерархии от недоверия и ненависти широких масс населения. Это мнение сформировалось в науке XIX–XX веков и настолькоочно укоренилось в сознании, что некоторые обществоведы пытались характеризовать социальную систему нильского государства даже с помощью понятия «кастового строя».¹⁸³

Однако сегодня в распоряжении исследователей оказались данные, которые могут свидетельствовать об отсутствии в Египте не только замкнутых каст, но даже и классов в привычном нам понимании этого слова: на берегах Нила не имелось объективных предпосылок для формирования классов в силу решающего преобладания государственной собственности на средства производства и сильной этатизации прав на личную собственность частных лиц,¹⁸⁴ в силу чего основой социальной дифференциации здесь являлось деление общества не на классы, а на социальные слои.

---

¹⁸² Wittfogel K. Oriental despotism: a comparative study of total power. New Haven: Yale University Press, 1957.

¹⁸³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 379.

¹⁸⁴ Авдиев В. И. История Древнего Востока. М.: Вышш. шк., 1970. С. 154.

Безусловно, как и в наш просвещенный век, принадлежность человека к социальному слою в Древнем Египте во многом определялась его происхождением. Об этом, к примеру, свидетельствует биография вельможи Уны, который нес государственную службу при царях VI династии Тети, Пиопи I и Меренра. Сановник, достигший в пору профессиональной зрелости статуса «друга царя», говорит, что свою первую высокую должность «начальника дома шна», «смотрителя дворцовых хентиу-ше» он получил едва «опоясавшись поясом» (то есть едва достигнув зрелости – С. Д.).¹⁸⁵ Известны и прямые указания на существовавшую в Древнем Египте вполне легитимную возможность наследования социально-профессионального статуса. Так, в декрете одного из царей Верхнего Египта Нуб-Хепер-Ра Антефа, правившего с 1675 по 1665 гг. до н.э., говорится о назначении на одну из должностей в храме Мина начальника храмового хозяйства некоего Минемхату, при этом царь повелевает, что «закреплена пусть будет эта должность за ним в грамотах в храме отца моего Мина, владыки Коптоса, от сына к сыну, от наследника к наследнику».¹⁸⁶

Вероятно, статус родителей во многом определял статус сына не только в высших слоях общества, но и в средних. Одним из документов, иллюстрирующих это, является Жизнеописание начальника гребцов Яхмоса, жившего в царствование фараонов Яхмоса I, Аменхотепа I и Тутмоса I в XVI в. до н. э. В нем автор повествует: «Мой отец был воином царя Верхнего и Нижнего Египта, покойного Секененра; Беб, сын Раинет, было его имя. Я стал воином вместо него на судне «Дикий Бык» во дни повелителя обеих стран покойного Неб-Пехти-Ра, когда я был юношей, еще не женился, но спал в юношеской одежде».¹⁸⁷ Как видно, приведенный отрывок из текста содержит прямое указание на существовавшую в Древнем Египте практику фактического наследования сыном статуса своего отца. Но более широкий анализ документа в целом может привести к выводу, что, несмотря на сильную наследственную детерминацию, место человека в социально-профессиональной структуре все же могло повышаться в результате его личных усилий. Так, далее в тексте говорится о боевых заслугах Яхмоса, в силу чего он неоднократно переводился с одной должности на другую: сначала за храбрость был переведен на, вероятно, более престижное судно «Северный», затем назначен на судно «Явление в Мемфисе», после чего за доблесть, проявленную при подавлении мятежа в Нубии, был назначен на должность начальника гребцов самим царем Тутмосом I. Не был лишен Яхмос и материального вознаграждения. За свои

¹⁸⁵ Sethe K. Urkunden des Alten Reiches. Leipzig, 1903. C. 93–110.

¹⁸⁶ Petrie W.M. Fl. Koptos. London, 1896, pl. VIII.

¹⁸⁷ Sethe K. Urkunden der 18. Dynastie, Leipzig, 1905–1909. C. 1–110.

боевые победы он неоднократно награждался золотом из рук царя, получил в свое распоряжение земельные наделы в Бехи, а также право распоряжаться захваченными им в бою пленниками как своими рабами. В завершение своего жизнеописания Яхмос с нескрываемой гордостью оповещает, что «покоится в высеченной в скале гробнице, приготовленной им самим» и подробно перечисляет нажитое в течение жизни имущество, включающее девять рабов и десять рабынь.¹⁸⁸

Биография Яхмоса – далеко не единственное свидетельство тому, что социальная система Древнего Египта отнюдь не была закрытой, а напротив, содержала каналы восходящей вертикальной циркуляции и предъявляла людям осозаемые стимулы для приложения своих сил в социально-приемлемых направлениях. Более того, анализ письменных источников позволяет прийти к еще более неожиданному выводу: по-видимому, шансы на существенное повышение социально-профессионального статуса в Древнем Египте могли иметь даже простолюдины.

Косвенным подтверждением тому служат смыслы, зашифрованные в древнеегипетских поучениях. Например, в Поучении Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи, писец столь детально описывает тяготы представителей низших слоев общества и с таким жаром убеждает своего сына учиться, что складывается впечатление, что доля простолюдина хорошо знакома ему, равно как и что он не имеет возможности передать сыну свой высокий статус по наследству.

Так, пытаясь подвигнуть Пиопи на учение, Ахтой сравнивает профессию писца с иными. «...Видел я медника за работой его у отверстия печи его, причем пальцы его как у крокодила, а он более смраден, чем рыбья икра... Говорю я тебе о строителе стен... он постоянно находится снаружи, (предоставленный) ветрам. Исчезла сила его, руки его как неживые от работы по камню... ест он хлеб пальцев его, и моется он (лишь) один раз. А что до довольствия, то отдает он его домой. Избиты, избиты его дети... Красильщик, пальцы его смердят. Запах их ... глаза его ... от слабости. Он проводит день, разрезая лохмотья. Его одежды – мерзость... Прачечник стирает на берегу... Нет части тела чистой на нем, и одевает он одежды женские. Постоянно пребывает он в беде. Плачет он, проводя день грустным... Говорю я тебе о рыболове. Хуже ему, чем (занимающему) должность всякую. Смотри, (разве) его работа не в реке, полной крокодилов? Если происходит у него подведение итогов кадастровых записей его, то он пребывает в плаче... Нет у него (того), кто мог бы предупредить: «Крокодил подплывает!» Ослепил его страх.

---

¹⁸⁸ Там же, с. 1–110.

Если это он выходит на воду целым, то это по воле бога».¹⁸⁹ Профессиям физического труда Ахтой противопоставляет занятие писца: «Смотри, нет должности, свободной от руководителя, кроме (должности) писца, – он сам руководитель!... Смотри, нет писца, лишенного еды от вещей дома царева, который да будет жив, цел, здоров... Когда ты поставлен во главе местного управления, благодарят бога отец и мать твои».¹⁹⁰ Подводя итог своим размышлениям, Ахтой восклицает: «О, если бы я мог заставить тебя полюбить книги больше, чем свою матерь, если бы я мог показать красоты их перед тобою!».¹⁹¹

Не нужно обладать чрезмерным воображением, чтобы дать верную интерпретацию приведенному отрывку. Как видно, Ахтой искренне любит своего сына и желает ему жизненного благополучия. Но он не властен над судьбой своего отпрыска, не способен использовать свое служебное положение, чтобы обеспечить ему достойное будущее. И Ахтою остается лишь увершевать своего сына, убеждать его прикладывать усилия к тому, чтобы самостоятельно пройти по пути, ведущему к социальному успеху. Тот же импульс рефреном звучит и в других поучениях, дошедших до нас на папирусах Саллье I, Анастаси III, Анастасии IV и др. В них профессия писца также представляется реальной альтернативой, позволяющей избежать тягот подчиненного положения и открывающей перспективы восхождения по социальной пирамиде.

В пользу того, что для простолюдина в Древнем Египте действительно существовала возможность повысить свой социальный статус, мы имеем не только косвенные, но и прямые подтверждения. Вот, например, что было написано на стене в гробнице одного важного сановника, добившегося своим трудом и талантом головокружительного карьерного взлета: «Узнал меня начальник мой, весьма почен я был сердцем его. Видывал я царя в образе солнца в святыне дворца его. Воз величил он меня против друзей, смешался я с вельможами дворца... назначил он меня руководителем работ, когда я был мал. Нашел он меня. Почтен я был сердцем его. Введен я был во двор золота производить статуи, изображения всех богов».¹⁹² Столь же стремительным был взлет и другого вельможи, также не отличавшегося высоким происхождением. На стене его гробницы было написано: «Я – немху по отцу и по матери,

¹⁸⁹ Хрестоматия по истории Древнего Востока: Учебное пособие: В 2 ч. Ч. I / Под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузинина. М: Высшая школа, 1980. С. 39–41.

¹⁹⁰ Там же, с. 41–42.

¹⁹¹ Maspero Q. Du genre epistolaire chez les egyptiens de l'époque pharaonique. Paris, 1872.

¹⁹² Всемирная история / Под ред. Ю. П. Францева. Т. 1. М.: Политиздат, 1955. С. 338.

и создал меня царь. Дал он, что стал я... духом его он меня... когда я не обладал имуществом. Дал он, что стало у меня много людей, возвысил он моих братьев... и когда я стал господином поселения, он причислил меня к вельможам и семерам, хотя я и был на последнем месте. Он давал мне пищу ежедневно, а (раньше) я просил хлеба». ¹⁹³ Многим памятен и пример библейского Иосифа, который, даже не будучи египтянином по происхождению, использовал свои таланты и природную сообразительность и занял высшую государственную должность при дворе египетского царя.

Важно отметить, что древние египтяне, скорее всего, располагали веером коридоров восходящей вертикальной мобильности, и возможность продвижения по служебной пирамиде была только одним из них. Другой выражался в возможности повышения материального статуса человека без существенного изменения его места в профессиональной структуре.

Документальных свидетельств тому множество. Одним из них может служить высеченная на камне биография представителя «среднего класса» Древнего Египта – наджесов – по имени Ити, жившего приблизительно в XXII в до н.э. и занимавшегося торговлей. На стеле, воздвигнутой им, написано: «Это я, наджес добный, действующий мышцей своей... Составил я десять стад из коз, люди за каждым стадом. Сделал я быков два стада и ослов одно стадо. Приобрел я (достаточно) мелкого скота... Устроил я пашню, дом..., наполненный всем превосходным, говорят люди: «Он свободен от ограбления другого!». ¹⁹⁴ Как можно понять из текста, своим социальным ростом Ити был обязан отнюдь не происхождению. От рождения у него не было высокого статуса, который он мог бы использовать для эксплуатации подчиненных. Несмотря на это, к концу жизни Ити располагал значительным состоянием – стадами коз, ослов и другого скота, земельными угодьями. И всего этого он достиг собственным трудом, «мышцей своей». Кроме того, в тексте ясно сказано, что в результате своей деятельности автор послания к потомкам не изменил своего статуса наджеса, а результатом его трудов явилось не только заслуженное обогащение, но и социальное одобрение.

Мы далеки от мысли, что поддержание в работоспособном состоянии механизмов вертикальной мобильности являлись следствием исключительно благорасположенности правящей верхушки Древнего Египта к социальным низам. Не в последнюю очередь это выражало установки египетской элиты на сохранение собственной власти, незыблемость которой могла

---

¹⁹³ Sandman M. Texts from the time of Akhenaton. Bruxelles, 1938, vol. VIII. P. 61.

¹⁹⁴ Vandier J. La stele 20001 du Musee du Caire. Melanges Maspero. Le Caire, 1934, I, fasc. 1. P. 139–145.

быть обеспечена только ценой рекрутования в высшие слои общества наиболее достойных и эффективных его представителей. Хорошим и прямым подтверждением этому являются слова Ахтоя Уахкара, пятого Гераклеопольского государя, царевичу Хети, будшему царю Мерикара. Государь наставляет своего преемника при назначении соискателей на высокие должности строго руководствоваться исключительно их деловыми качествами, невзирая на их происхождение: «Не делай различия между сыном знатного мужа и простолюдином. Приближай к себе человека за деятельность его рук, и будет исполняться всякое ремесло для царственного владыки моши».¹⁹⁵

Не будем переоценивать возможностей социальной системы Древнего Египта обеспечивать бесперебойное протекание процессов вертикальной циркуляции. Тот восторг, с которым описывали добившиеся успеха египтяне свое восхождение по социальной лестнице, свидетельствует о том, что подобные случаи были если не исключением, то, во всяком случае, явлением неординарным. Однако зафиксируем свое внимание и на том, что социальная система Древнего Египта все же располагала механизмами обеспечения вертикальной мобильности, и, следовательно, на деле она отнюдь не отличалась свойственной деспотиям «закрытостью», обеспечивая систематическое обновление правящего класса за счет представителей разных сословий.

«Видел я побои, видел я побои!» – восклицает Ахтой, убеждающий своего сына Пиопи не уклоняться от учения и тем самым вырваться из социальной страты, обретенной постоянно переносить телесные наказа-

¹⁹⁵ Поучение пятого Гераклеопольского государя царевичу Хети, будущему царю Мерикара // Демидчик А.Е. Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2005. С. 196.

¹⁹⁶ Савельева Т. Н. Аграрный строй Египта в период Древнего царства. М., 1962. С. 128–129.

ния.¹⁹⁷ Однако и высокий статус человека не гарантировал его физической неприкосновенности. Например, один из высокопоставленных сановников, поставленный начальником над ремесленниками, в своей посмертной надписи среди прочих своих жизненных достижений не забыл сообщить, что «ни разу не были (меня) пред сановником каким-либо с рождения (моего)».¹⁹⁸ Известно, что палочные расправы применялись даже в отношении приближенных египетских царей.

О широком применении в хозяйственной практике наказания палкой говорит и дифференциация видов палочных ударов. Например, папирус Анастасии IV, относящийся к позднему периоду Нового Царства, содержит сведения о двух видах таких ударов. Документ повествует об участии воина, которого «приводят еще маленьким, чтобы запереть в казарму. Удар-ишфи наносится по животу его, удар-перш – по бровям его. Голова его разбита в кровь. Повергают его, причем он извивается как лист папируса. Он разбит из-за битья».¹⁹⁹

Говоря о телесных наказаниях в Древнем Египте, следует отметить одно обстоятельство, на которое специалисты прежде не обращали внимания. Похоже, что практика их применения в отношении работников, занятых в государственном хозяйстве, принципиально отличалась от той, с которой сталкивались самозанятые работники, связанные с государством лишь арендными и фискальными отношениями.

И действительно, документы Нового Царства свидетельствуют, что работающие «на себя» нарушители хозяйственных обязательств перед государством, а также перед другими хозяйственными агентами по решению судебных органов связывались и заключались под стражу (в формулировке из Берлинского папируса № 9775 «люди стояли за их спиной» – С. Д.). И уж совсем пугающую картину принуждения к исполнению обязательств рисует папирус Саллье I. Документ повествует о суровой участии земледельца, не сумевшего выплатить налог с урожая в связи с гибеллю посевов и обессиливанием рабочей скотины. Сборщика налогов не интересуют причины недоимки. Он полон решимости получить свое сполна и призвать к ответу должника: «Писец причаливает к берегу. Он записывает урожай. Его помощники с палками, кущиты – с жилами пальмовых листьев. Они (говорят): «Дай, ты, ячмень» Нет (его). Они бьют его битьем-перш. Он связан и брошен в колодец. Он погружен в воду вниз головой,

¹⁹⁷ Maspero Q. Du genre épistolaire chez les égyptiens de l'époque pharaonique. Paris, 1872.

¹⁹⁸ Перепелкин Ю. Я. Хозяйство старо-египетских вельмож. М., 1988. С. 143.

¹⁹⁹ Хрестоматия по истории Древнего Востока: учебное пособие в 2-х частях. Ч. I / под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузицина. М: Высшая школа, 1980. С. 106.

его жена связана перед ним, его дети скручены. Его соседи оставляют их, убегая, и пропал их ячмень».²⁰⁰

Совсем иначе в ту же самую эпоху выглядит порядок применения наказаний работников, занятых в государственном секторе. Так, должностная инструкция предписывала верховному сановнику неустанно следить за регламентом применения телесных наказаний в подконтрольных ему «палатах» – территориально-производственных объединениях государственного хозяйства. «Пусть ни один сановник не присваивает себе права приговора в его палате, – говорится в инструкции. – Если возникнет жалоба на одного из сановников, присутствующих в его палате, то он велит привести его в судебное присутствие. Это верховный сановник накажет его соответственно его проступку. Пусть ни один сановник не присваивает себе права телесного наказания в его палате».²⁰¹

Мы не можем достоверно объяснить, почему порядок применения санкций по отношению к работникам, занятым в государственном и негосударственном секторах, был в Древнем Египте столь различным. Если жестокости по отношению к свободным хозяйственным агентам не были проявлением чиновничьего произвола или чрезмерного служебного рвения мытарей, то можно предположить, что тем самым законодатели подчеркивали свое небезразличие к тому, в какой сфере был занят работник. Но в любом случае у нас имеются основания воздержаться от излишне строгих оценок дисциплинарных практик, применявшихся в государственном хозяйстве Древнего Египта и уж тем более не считать их проявлением деспотизма правителей. Ведь последние все же заботились о выработке норм, ограничивавших спонтанность процесса принятия решения о наказании и определявших долгий путь согласования меры дисциплинарного взыскания на разных уровнях бюрократической пирамиды.

В последнее время в научной литературе все чаще находит свое отражение еще один момент, характеризующий относительную гуманность хозяйственной жизни Древнего Египта. Исследователи фокусируют свое внимание на том, что нормотворцы нильского государства отнюдь не перегружали ее наиболее суровой карой, широко распространенной в других странах Древнего мира – смертной казнью.^{202, 203}

²⁰⁰ Хрестоматия по истории Древнего Востока: Учебное пособие: В 2 ч. Ч. I / Под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузинина. М: Высшая школа, 1980. С. 105.

²⁰¹ K. Sethe, Urkunden der 18. Dynastie, Leipzig, 1905–1909. S. 1103.

²⁰² Демидчик А.Е. Смертная казнь в уголовном праве Египта периода Старого Царства // Вестник НГУ. Серия: Право. 2006. Т. 2. Вып. 2. С. 10–14.

²⁰³ Нежинский Ю. В. Смертная казнь в эллинистическом Египте // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2009. Вып. 1. С. 157–160.

Причины этого явления, по-видимому, кроются в императивах духовной культуры древних египтян, предписывающих человеку воздерживаться от умышленного причинения смерти другим людям. Они происходили из представлений египтян о грехе и посмертном пути усопшего, желающего обрести прощение. Эти представления изложены в «Текстах Саркофагов», «Текстах Пирамид» и «Книге Мертвых».

Согласно им, после смерти каждый проделывает полный опасностей путь, по завершение которого достигает Зала Двух Истин и предстает перед судьей – богом Осирисом. На посмертном суде усопший произносит 42 отрицания в причастности к грехам, после чего его сердце взвешивается на Весах Правосудия. Полный перечень грехов приводится в 125 главе «Книги Мертвых» и вложен в уста усопшего, обращающегося к Великому Богу: «Вот я пришел в тебе. Я принес тебе правду, я отогнал ложь для тебя. Я не поступал неправедно ни с кем; я не убивал людей. Я не творил зла вместо справедливости. Я не знаю ничего, что нечисто. Я не притеснял бедного. Я не делал того, что мерзко богам. Не оскорбляя я слугу перед хозяином. Я не причинял никому страданий. Никого не заставлял плакать. Я не убивал и не заставлял убивать. Я никому не причинял боли. Я не уменьшал жертвенную еду в храмах. Я не уносил хлеба богов. Я не присваивал заупокойных даров. Я не развратничал. Я не мужеложствовал. Я не уменьшал меры зерна. Я не убавлял меры длины. Я не покушался на чужие поля. Я не утяжелял гири весов. Я не облегчал чаши весов. Я не отнимал молока от уст младенца. Я не уводил скот с его пастбищ. Я не ловил птиц богов, не удил рыбу в их водоемах. Я не задерживал воду в ее время. Я не строил запруд на текущей воде. Я не гасил огонь в его время. Я не удалял скот от имущества Бога. Я не задерживал Бога при его выходах. Я чист, я чист, я чист, я чист!»²⁰⁴

Мы привели текст 42 отрицаний без сокращений намеренно. И сделали это не только для того, чтобы проиллюстрировать, что убийство человека действительно входило в перечень запрещенных деяний, но и чтобы зафиксировать внимание читателя на том факте, что оно является единственным грехом, о непричастности к которому усопший заверяет бога дважды. И, вероятно, это неспроста. Можно предположить, что этим авторы «Книги Мертвых» хотели подчеркнуть особую тяжесть убийства как греха и особое значение непричастности к нему.

Имеются основания считать, что религиозный императив «не убий» оказывал на египтян весьма сильное влияние. Даже в период боевых действий, которые время от времени вспыхивали на берегах Нила и за преде-

---

²⁰⁴ Чегодаев М. А. Древнеегипетская Книга Мертвых — фрагменты перевода и комментарии // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 141—151.

лами Египта, убийства не становились массовым явлением. Нам это может показаться удивительным, но в ходе столкновений многотысячных армий счет потерян велся на десятки, в худшем случае, сотни человек с обеих сторон. Например, в ходе битвы у Мегиддо во время первого похода Тутмоса III войска царя добыли ему 84 руки (в доказательство своих побед египтяне отрезали у поверженных врагов руку – С. Д.), а во время последнего похода царя на 42 году царствования, было захвачено три города, при этом было добыто в общей сложности 29 рук. Наибольшие масштабы кровопролития в Новом Царстве рисует нам стела Аменхотепа II из Мит-Рахине. Но и здесь задекларированное количество отрубленных рук составило 372,²⁰⁵ и это при том, что описанные в документе заслуги и победы царя представляются явно преувеличенными (согласно тексту ночью он, не смыкая глаз, караулит на посту, повергает в одиночку отряд врагов, и т.д. – С. Д.), а в самом тексте допускаются неточности даже при арифметических подсчетах завоеванных трофеев.²⁰⁶

Но отрицательные установки сановников и правителей на применение смертной казни происходили не только из религиозных запретов. Они имели и светские основания. Так, в поучениях, оставленных египетскими царями своим преемникам, рефреном звучит призыв к неприменению смертной казни по отношению к подданным. Например, в Поучении пятого Гераклеопольского государя царевичу Хети, будущему царю Мерикара, говорится: «Не убивай никого из приближенных к тебе, благоволи ему ради собственной пользы, ведь он уже испытан перед богом; даже один из них – это твое процветание на земле, когда сами боги оберегают царя. Внуши любовь к себе всей стране; добрый нрав – это добрая память, когда минут годы (жизни)».²⁰⁷ И хотя автор поучений все же оставляет за преемником право на применение смертной казни, он призывает использовать эту меру только в отношении строптивцев, покусившихся на незыблемость государственных устоев и общественный порядок. «Остерегайся карать опрометчиво, – уверяет он, – не убивай, нет тебе в этом пользы. Ты станешь наказывать побоями и заключением, и благодаря этому обустроится вся страна; исключение лишь для бунтовщика, чей замысел раскрыт. Бог достоверно знает строптивцев, но бог отвергает проливающих кровь: милосердный продлевает время своей жизни».²⁰⁸

²⁰⁵ Helck W. Urkunden der 18. Dynastie, Lieferung 17. Berlin, 1955. S. 1307.

²⁰⁶ Там же. S. 1309

²⁰⁷ Поучение пятого Гераклеопольского государя царевичу Хети, будущему царю Мерикара // Демидчик А.Е. Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2005. С. 202.

²⁰⁸ Там же, с. 195.

Традиция причинения смерти в качестве исключительной и вынужденной меры, как следует полагать, является инвариантой египетской культуры не только для Древнего Царства, которое и вовсе не оставило нам документальных следов убийства египтян, но даже во времена Среднего и Нового Царств, когда наказание смертью перестает быть редкостью. Кроме того, обращает на себя внимание неизменность перечня преступлений, за которые правители допускали применение смертной казни: как и прежде, она использовалась по отношению к египтянам, осуществляющим антигосударственную деятельность, да и то не за все преступления.

Одно из многочисленных подтверждений этому мы находим в речении Ипувера (иногда называемого речением Ипусера – С.Д.), текст которого сохранился в иератических копиях Нового Царства, списанных с оригинала периода распада Египта в конце Древнего Царства. Пафос документа направлен не только против преступников, открыто присваивающих и уничтожающих чужое имущество и убивающих людей, но и против подстрекателей. Их Ипувер требует «истребить», «убить», «стереть их имя и имя их близких, истребить память о них и о его людях, любящих их». Такого рода призывы мотивированы тем, что автор документа считает жесткость в предотвращении смуты куда меньшим злом в сравнении с теми последствиями, к которым приводит нерешительность правителя, бездействием своим «творящего ложь» и превращающего вверенное ему государство «в ядовитую страну, уничтожающую людей».²⁰⁹

И египетские правители следовали традиции жестокого искоренения смуты со всей последовательностью. Например, современник Яхмоса I говорит, что, завершив подавление восстания в Кусе, царь «поплыл вниз по Нилу, имея все зарубежные страны у себя в кулаке и того подлого нубийца-кочевника висящим вниз головой на носу царского судна его величества».²¹⁰ Аменхотеп III спустя некоторое время и вовсе отдал приказ убить всех восставших, которые были захвачены в плен в ходе карательной операции в том же Кусе. Такой вывод мы можем сделать по прочтении сообщения о восстании на этой территории, высеченного на стеле наместника Нубии Меримесса. В нем кроме прочего содержится и хвалебное высказывание о владыке Египта: «Ты заставляешь говорить мятущихся против себя: "Поразило нас пламя имена наши!" Убиты для тебя противники твои все, будучи поверженными под стопами твоими».²¹¹

²⁰⁹ В. С. Голенищев, Папирусы 1115 и 1116 Императорского Эрмитажа. СПб., 1913.

²¹⁰ Sethe K. Urkunden der 18., Dynastie. Leipzig, 1905–1909. S. 1–110.

²¹¹ Helck W. Urkunden der 18. Dynastie. Berlin, 1957. S. 1661.

Говоря о практике применения смертной казни в Древнем Египте, следует обратить внимание и на то, что даже по отношению к изменникам она применялась далеко не всегда. Те из них, действия которых не наносили непосредственного ущерба социальной стабильности или не могли причинить вреда, избегали смерти, а иногда и самого судебного преследования. Например, при взятии сирийского города Яффы египетским полководцем Тхутием, военачальником Тутмоса III, победители ограничились тем, что «овладели они городом, и малыми и великими, и связали их, и надели колодки тотчас же». ²¹² Совсем не людоедским выглядит и пункт договора между Рамсесом II и хеттским царем Хаттушилем, касающийся выдачи египетских перебежчиков. В договоре, подписанном египетским царем и, следовательно, вполне выражавшем его представления о возмездии преступникам, значится: «Если убежит из земли египетской один человек, или два или три, чтобы пойти к великолепному князю страны хеттов, великий князь страны хеттов должен схватить их и повелеть отправить обратно к Рамсесу II, великому правителью Египта. Что же касается человека, которого приведут к Рамсесу II, великому правителью Египта, пусть не взывут с него его вины, пусть не уничтожат его дом, его жен и его детей, (пусть не убьют его), пусть не повредят его глаз, его ушей, его рта и ног... все его». ²¹³

Принимая во внимание исключительность применения смертной казни даже за тяжкие преступления, кажется понятным, почему преступления в хозяйственной сфере, в основной своей массе, не наказывались смертью. На основе имеющихся данных можно судить, что острье этого пугающего инструмента редко было направлено на предотвращение даже самых тяжких хозяйственных преступлений, например, таких как «нечелевое» использование имущества дома Бога – материальных ценностей, а также земельных и людских ресурсов, принадлежащих храмам. Эти нарушения были вызваны тем, что, используя свое законное право производить мобилизацию экономических и трудовых ресурсов для организации общественных работ, некоторые государственные сановники иногда проявляли излишнее служебное рвение и нарушили иммунитет храмовых имущественных комплексов. Обращает на себя внимание при этом, что в периоды, когда власть располагала достаточноенным символическим капиталом, вырабатываемые ею негативные санкции отличались большей мягкостью, чем в периоды, когда она утрачивала свой авторитет.

---

²¹² Gardiner A. H. Late-Egyptian Stories. Bruxelles, 1932.

²¹³ Muller W. M. Der Bundesvertrag-Ramses II und des Chetiterkorigs. Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft. Bd. V, 1905.

Так, декрет «А» из Коптоса, изданный в конце времени правления царя Пиопи II в эпоху Древнего Царства в промежутке от 2500 до 2400 гг. до н.э. предписывает: «Что же касается начальника Верхнего Египта, который произведет их набор, или же какого-либо главы, какого-либо начальника отрядов Верхнего Египта, какого-либо начальника деклараций, какого-либо родственника царя, какого-либо начальника..., какого-либо начальника царских людей, который мобилизует их согласно документу о наборе, который будет принесен в канцелярии дома царских документов, дома настоителей угодий, дома документов, снабженных печатью, чтобы они были отправлены на какие-либо работы дома царя, тот впал в дело враждебное». ²¹⁴

Можно предположить таким образом, что в период Древнего Царства, когда авторитет фараона был непрекаемым, а сам он приравнивался к богу, запреты на реквизиции храмового имущества могли и вовсе не сопровождаться негативными санкциями. Для предотвращения этого, вероятно, было достаточно лишь морально-оценочных суждений и угрожающих предупреждений. Те же правовые документы эпохи Древнего Царства, которые содержали конкретные санкции за незаконные реквизиции, все же не устанавливали излишне суровых наказаний. К примеру, такие санкции значатся в указе царя Неферирикара, датируемом XXV в. до н.э. и высеченном на известняковой плите в развалинах храма Осириса в Абидосе. Указ был направлен на защиту храмового имущества от экспроприации, а также челяди храмов от призыва на обязательные царские работы и завершался перечислением мер взыскания для лиц, превысивших свои служебные полномочия и тем самым нарушивших государственное царское право. В документе, адресованном начальнику жрецов Тинитского нома Хемуру, говорится: «Что же касается всякого человека нома, который захватит каких-либо жрецов, которые на какой-либо пашне бога, за которую они жречествуют в этом номе для дела (в) стаде вместе с работой всякого нома, да пошлешь ты его в судебную палату (причем он сам) будет посещен (в какое-либо стадо или гранитные каменоломни) или (место) пахоты ячменя. (Будет набран) всякий сановник, распорядитель царским имуществом, стражник, который сделает вопреки тому, что (я) приказал, (или) отдан в судебную палату, будет выведен дом, пашня, люди, всякое имущество под ним, (при этом) он будет помещен в какое-либо стадо». ²¹⁵ Как можно увидеть, здесь законодатель устанавливает, что нарушения его указа должны рассматриваться в суде, причем в качестве в санкций за должностные преступления он определяет конфискацию закрепленного за

²¹⁴ Weill R. Les Decrets royaux de l'ancien empire egyptien. Paris, 1912, и исправлениям K. Sethe, Gottingische gelehrte Anzeigen, 1912. С. 705–726.

²¹⁵ Sethe K. Urkunden des Alten Reichs. Leipzig, 1932. S. 172.

нарушителем имущества, а также понижение его в должности и направление в «стадо» – трудовые отряды, занимающиеся неквалифицированной, тяжелой и изнурительной работой.

В период Нового Царства, когда власть фараонов начала терять ареал божественности, и символического капитала правителей уже оказывалось недостаточно для обеспечения неприкословенности храмового имущества, кара за его незаконное отчуждение предусматривалась куда более суровой. Нарушителю грозили мучения и унижение. Например, Сети I (XIX династия, 1337–1317 гг. до н. э.) в своем декрете, направленном на защиту от посягательств имущественного комплекса и челяди Дома миллионов лет Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе», определяет: «Что касается всякого царского сына Куш, всякого начальника отряда, всякого князя, всякого агента, всякого человека, который уведет какого-либо человека Дома Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе» в порядке реквизиции, из округа в округ, (или) по договоренности в качестве обязанного пахать и в качестве обязанного убирать жатву, равным образом того, который уведет какую-либо женщину или какого-либо человека Дома Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе», равным образом их рабов в порядке реквизиции для производства какой-либо работы где бы то ни было во всей стране... – закон будет применен против него путем нанесения ему 200 ударов и 5 рваных ран, и будет взыскана работа человека Дома Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе» с него (виновника) за каждый день, который он (похищенный) будет работать у него (похитителя), причем он будет отдан в Дом Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе».²¹⁶

Приведенный пример служит хорошей иллюстрацией тому, как мог измениться характер наказаний за хозяйственныe преступления в условиях утраты правящей верхушкой Древнего Египта символического капитала. Во времена XIX династии, когда авторитет власти был уже не столь непрекаемым как тысячу лет назад, нарушитель не ограничивался понижением в должности и конфискацией принадлежащего ему имущества. В дополнение он подвергался еще и палочной расправе, наказывался пятью рваными ранами (как иногда переводится, пятью порезами: повреждением мягких тканей лица – С.Д.) и компенсировал нанесенный своими действиями ущерб собственным трудом ни где-нибудь, а непосредственно в хозяйстве потерпевшего, который, вероятно, едва ли бывал склонен проявлять сантименты в отношении своего обидчика.

---

²¹⁶ Griffith F. Ll. The Abidos Decree of Seti at Nauri. Journal of Egyptian Archeology, 1927, Vol. 13. P. 198.

Завершая разговор о санкциях, применяемых правящей верхушкой Древнего Египта при управлении хозяйственной сферой, можно резюмировать, что с точки зрения представлений сегодняшнего дня они хотя и выглядят суровыми, но все же не чрезмерными. Наше неодобрение, безусловно, могло бы вызвать широкое распространение телесных наказаний, дисциплинировавших труд исполнителя. Но едва ли использование власти имущими мер физического принуждения ясно указывает на деспотизм их правления: применение этих мер, во всяком случае, в государственном секторе хозяйства, все же носило упорядоченный характер, защищавший провинившегося от произвола стоящего над ним начальника. Наибольшую суровость египетские правители проявляли в отношении должностных лиц, незаконно отчуждавших храмовое имущество для организации общественных работ. При этом по мере ослабления символической власти царей подобные хозяйствственные преступления влекли за собой все более суровые наказания. Это является косвенным свидетельством тому, что проявление жестокости не было имманентно свойственно правящему классу Древнего Египта, а скорее рассматривалось им как мера вынужденная. Другим аргументом в пользу данного предположения является то, что даже самые серьезные нарушения хозяйственного права обычно не приводили к применению смертной казни. Эта крайняя мера использовалась нормотворцем, по-видимому, только по завершении эпохи Древнего Царства и преимущественно в отношении воров и расхитителей, отчуждающих государственное и храмовое имущество для целей личного обогащения. Этим высшие слои Египта не только маркировали особый статус государственного имущества, но и будто бы подчеркивали свое небезразличие к мотивам, которые стояли за его незаконным отчуждением.

Не обнаруживает древнеегипетская хозяйственная культура и явных проявлений другого и, пожалуй, наиболее тесно связанного с понятием деспотизма признака – самоуправства, чинимого правителями и сановниками, «властвующими не на основании законов, а по произволу».²¹⁷ Ведь сегодня не вызывает сомнений, что лица, включенные во властную вертикаль Древнего Египта, вынуждены были осуществлять свою деятельность в рамках тесных социальных ограничений.

Своими основами они укоренялись в глубинах духовной культуры и институциональной матрицы нильского государства, которые формировали у представителей правящего класса развитое чувство любви к порученному делу и ответственности за него, а также установку на следование предписаниям и нормам.

---

²¹⁷ Малый энциклопедический словарь. СПб, 1907. Т. 1. Вып. 2. С. 114.

Прежде всего, обратим внимание на то, что являлось предметом гордости египетских правителей, о чём они желали сохранить память в веках. В числе этих деяний мы, безусловно, встретим и боевые успехи, и заслуги в подавлении смут и мятежей. Но важно отметить, что правители почти всегда подчеркивали вынужденный характер проявляемой ими жесткости, объясняя ее необходимостью сохранения социального мира и порядка. В деятельности же, связанной с организацией хозяйственной сферы, цари и сановники усматривали высшую добродетель совсем не в том, чтобы поставить ее на службу собственным интересам, а чтобы наиболее эффективным образом организовать социальное и экономическое воспроизведение подконтрольного им общества.

Вот, например, как рисует в посмертной надписи свой образ добродетельного начальника один из номархов по имени Амени, служивший при фараоне XII династии Сенусерте I (1980–1934 гг. до н.э.). «Не было дочери бедняка, которую я бы обидел, – доносит до потомков он. – Не было вдовы, которую бы я притеснял; не было..., которого бы я отверг; не было пастуха, которому бы я отказал, не было начальника «пятерок» людей которого захватил бы я из-за податей; не было нуждающихся около меня; не было голодающих в мое время. Когда настали годы голода, тогда возделал я все поля Антилопьего нома до границ его южных и северных. Дал я жить населению его и снабжал я его пищей. Не было голодных среди них; давал я вдове равно как замужней. Не различал я великого от малого, во всем, что давал я, было много ячменя, полбы и всяких вещей; не отбирал я недоимки с полей». ²¹⁸

Похоже, к тем же добродетелям стремились и египетские цари. В частности, Рамзес III с нескрываемой гордостью говорит о том, как он заботился о населении в период своего правления, как бережно и уважительно он относился к подданным. «Я кормил всю страну: будь то мужчины, будь то египетский народ, мужчины и женщины. Я вызволил человека из беды его, и я дал ему дыхание. Избавил я его от сильного, более влиятельного, чем он. Дал я всем людям жить в спокойствии в их городах. Давал я пропитание иным из «Дома Утра». Удвоил я снабжение страны, тогда как прежде она была нищей. Страна была сытой весьма в мое правление. Делал я благие дела как богам так и людям. И не было у меня ничего из вещей других людей. Провел я царствование в качестве правителя Обеих Земель, причем (были) вы рабами у ног моих и не попирал я вас». ²¹⁹

²¹⁸ Sethe K. Urkunden des mittleren Reiches. Urkunden des agyptischen Altertums, VII. C. 16.

²¹⁹ Erichsen W. Papyrus Harris. Hieroglyphische Transcription. Bibliotheca Aegyptica, Bruxelles, 1933, vol. V.

В этом отрывке как в капле воды находит свое отражение все то, что в древнеегипетской культуре удостаивалось высшей моральной оценки, и какие деяния считались аморальными. Несложно увидеть, что предметом гордости Рамзеса III являлось то, что непосредственно выражало служебный характер деятельности правителя – обеспечение порядка и социальной стабильности, забота о бесперебойной работе хозяйственного комплекса, защита одного человека от эксплуатации «более влиятельным» другим, помочь нуждающимся, набожность. В то же время, в тексте присутствует отрицание насильственного присвоения «вещей других людей», и что имеет особое значение для нас, прямое отрицание деспотизма, права начальника «попирать» подчиненных.

Не менее определенно отрицается произвол и в поучении пятого Гераклеопольского государя Ахтой Уахкара царевичу Хети. В нем царь пытается сформировать у будущего правителя Мерикара представление о власти как о непрерывном служении, бремени, которое несет правитель, вынужденный забывать о собственных пристрастиях и всецело отдавать себя интересам дела. Только в этом случае он унаследует высшую ценность, которую только и может иметь правитель – добрую память и репутацию благонравного мужа. «Царская власть – это прекрасная служба, хот нет у нее ни сына, ни брата, – говорится в поучении. – Устанавливаются жертвоприношения для ее памятников одним царем, о котором заботится другой; достойный муж творит для своего предшественника, желая, чтобы другой, приходящий вслед за ним, заботился о том, что создал он».²²⁰ Особое внимание царь Ахтой обращает на следование царевичем Хети принципу законности. Он требует, чтобы в пору своего правления он руководствовался не собственными амбициями и интересами, но, прежде всего, нормами права. «Разворачивай свитки, чтобы ты мог их читать и поступать сообразно знанию»,²²¹ – наставляет он. Тем самым, царь Ахтой со всей определенностью отрицает деспотизм правителя и утверждает высшие принципы государственной службы: ее безличный характер, компетенцию и законность.

Идея нормитивизации деятельности государственного служащего нашла свое воплощение в должностной инструкции верховного сановника (чати-«визиря») Верхнего Египта. Она была найдена начертанной иероглифическим письмом на стенах гробниц верховных сановников Рехмира, Усера и Аменемопета, правивших в Фивах в XVI–XV вв. до н. э. Инструкция определяет широчайшую сферу компетенции верховного сановника,

²²⁰ Поучение пятого Гераклеопольского государя царевичу Хети, будущему царю Мерикара // Демидчик А.Е. Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2005. С. 200.

²²¹ Там же, с. 193.

но при этом демонстрирует, насколько формализованы были его действия, насколько не свободен он был в принятии решений.

Каждый шаг верховного сановника был скован регламентом. К примеру, инструкция предписывала, что «он будет восседать на седалище со спинкой, на полу будет цыновка, на нем плетенка, за его спиной кожаная подушка, под его ногами кожаная подушка, на нем..., рядом с ним жезл: перед ним будет разложено 40 кожаных свитков (с законами), по обе стороны перед ним будут находиться вельможи, принадлежащие к числу 10 верхнеегипетских, направо от него будет начальник приемного чертога, налево от него заведующий приемом (?)», рядом с ним писцы верховного сановника».²²²

Подобная регламентация, очевидно, была призвана придать деятельности верховного сановника глубоко символический смысл, возвышая его до образа, олицетворяющего закон. И надо сказать, что инструкция была составлена таким образом, что ее безукоризненное исполнение оставляло чиновнику немного возможностей для принятия произвольных решений, превращая его в безличного исполнителя норм, вершителя правосудия. Вот, например, как инструкция регламентировала решение чиновника при рассмотрении земельных споров: «Что же касается всякого, кто обратится к верховному сановнику по поводу пахотных земель, то он потребует его к себе, помимо допроса заведующего пашнями и... присутствия. Он предоставит ему отсрочку на 2 месяца для его пашен в Верхнем и Нижнем Египте. Но что касается его пашен, расположенных по соседству с Фиваами и резиденцией, то он предоставит ему отсрочку на 3 дня согласно тому, что стоит в законе. Он будет выслушивать каждого просителя согласно этому закону, что у него в руке».²²³ Несложно увидеть, что при рассмотрении спора о пашнях верховный сановник был свободен только в действиях, связанных с установлением обстоятельств дела, приведших к конфликту. Во всем остальном он должен был руководствоваться законом, определявшим и решение по существу, и срок его рассмотрения. Добросовестный сановник не мог влиять даже на порядок приема просителей, поскольку инструкция определяла, что «будут выслушивать одного за другим, не допуская, чтобы пришедший последним был выслушан раньше пришедшего первым. Если пришедший первым скажет: «Рядом со мною нет никого, кого следовало бы выслушать (?)», то он будет схвачен доверенными верховного сановника».²²⁴

Установки чиновников на исполнение служебных обязанностей, как следует полагать, формировались не только под влиянием стандартов ду-

²²² Sethe K. Urkunden der 18. Dynastie, Leipzig, 1905–1909. S. 1103.

²²³ Там же. S. 1103.

²²⁴ Sethe K. Urkunden der 18. Dynastie, Leipzig, 1905–1909. S. 1103.

ховной культуры и институциональных ограничений. Не в последнюю очередь они являлись следствием высокой меры ответственности государственных служащих за допущенное ими своеволие и должностные преступления.

О том, что ответственность чиновников за проступки была высокой, свидетельствует декрет царя Сети I из Наури. Документ был направлен на защиту имущественного комплекса Дома миллионов лет Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе» от несанкционированных посягательств и представляет для нас интерес еще и тем, что различает ответственность людей, обладавших различным социальным статусом, за аналогичные преступления. Вот, к примеру, что говорится об ответственности за расхищение охраняемого декретом имущества, налагаемой на человека, не облаченного властью. «Всякий, который будет застигнут в хищении головы скота Дома Менмаатра "Сердце удовлетворено в Абидосе", закон будет применен против него путем отрезания носа и ушей, причем он будет сделан землемельцем в Доме Менмаатра "Сердце удовлетворено в Абидосе" (за свое преступление), и будут отданы его жена и дети в челядь начальника этого Дома».²²⁵ Легко сравнить эту меру с мерой, применяемой по отношению к чиновнику, уличенному в воровстве того же самого имущества: «Что же касается всякого начальника быков, всякого начальника собак или всякого пастуха Дома Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе», который отдаст голову какого-либо скота Дома Менмаатра "Сердце удовлетворено в Абидосе" другому, равным образом того, кто пожертвует ее на другом пути, не принося ее в жертву Осирису, хозяину ее в Доме Менмаатра "Сердце удовлетворено в Абидосе", – закон будет применен против него путем убийства его, причем будет он посажен на кол и будут взяты (?) его жена и дети и все его имущество в Дом Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе», и будет взыскана голова скота с того, кому он ее дал, как возмещение в пользу Дома миллионов лет царя Верхнего и Нижнего Египта Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе» в размере 100 за 1».²²⁶

Как видно, расхитителю вне зависимости от его статуса вменялась в обязанность компенсировать нанесенный храмовому имущественному комплексу ущерб в стократном размере. Но если в первом случае расхититель храмового имущества, будучи подвергнутым болезненному наказанию, все же оставался в живых, то чиновник, поставленный надзирать за

---

²²⁵ Griffith F. Ll. The Abidos Decree of Seti at Nauri. – Journal of Egyptian Archeology, 1927, Vol. 13. P. 202

²²⁶ Griffith F. Ll. The Abidos Decree of Seti at Nauri. – Journal of Egyptian Archeology, 1927, Vol. 13. P. 203

имуществом и использовавший свое должностное положение для личного обогащения, подвергался позорной и мучительной смерти.

Аналогично, за отказ от помощи представителям храма и невнимательное отношение к их жалобам люди, не имеющие властных полномочий и судьи, призванные стоять на страже исполнения законов, несли разную ответственность. Так, декретом установлено, что простолюдины в этом случае отдельывались преследованием Осирисом «его жены и детей, чтобы покарать его имя, чтобы уничтожить его душу, чтобы не дать его телу упокоиться на кладбище».²²⁷ Ответственность же судьи за невнимательное отношение к жалобе человека из храма «Сердце удовлетворено в Абидосе» носила куда более осязаемый характер. Декрет устанавливает, что если «он (член суда) останется глухим к нему (жалобщику – С. Д.) и не поспешит на зов его, чтобы спешно рассудить его, – закон будет применен против него путем нанесения ему 100 ударов, (причем он будет отрешен) от своей должности и отдан в земледельцы (Дома) Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе».²²⁸

Традиция предъявлять особые требования к чистоте помыслов и законности действий должностных лиц находит свое воплощение и в более поздние времена. Например, в египетских текстах эллинистического периода, как и в более ранних документах, мы не находим сведений о применении смертной казни за неуплату податей, занижение налогооблагаемой базы и другие хозяйствственные преступления, совершенные рядовыми хозяйственными агентами. Немногочисленные упоминания о ее применении касаются случаев наказания должностных лиц, уличенных в махинациях, взяточничестве и воровстве. Один из примеров тому содержится в документе BGU 1250, содержащем жалобу на произвол чиновников, осуществляющих в корыстных целях махинации с персональными данными работников. Жалоба содержит ссылку на царский декрет, который нарушают чиновники: «Ибо было приказано всем должностным лицам никого не переименовывать, ни себя, ни родину, если же нет, делающего так смертью наказать».²²⁹

Столь же суровое наказание грозило поставленным на хозяйство корыстолюбцам, уличенным в махинациях с мерами и весами. Так, в документе Tebt. 5, датированному 118 г. до н. э. и представляющем собой свод египетских законов в исполнении деревенского писца, говорится: «И поскольку случается, что ситологи (чиновники, ответственные за урожай – С. Д.) и антиграфы (сборщики налогов – С. Д.) пользуются большими

²²⁷ Там же, р. 208/

²²⁸ Там же.

²²⁹ Taubenschlag R. Law of Greco-Roman Egypt in the Light of Papyri. New York, 1944. P. 186.

бронзовыми мерами по сравнению с теми, которые указаны в каждом номе... мерами подмененные... взвешивают то, что приходится в казну и вследствие этого с земледельцев требуют не (верное) количество хойников (мера зерна – С.Д.), они приказали, чтобы и стратеги и надзиратели за доходами, и царские писцы проверку мер наилучшим образом осуществляли, причем в присутствии... и жрецов и клерухов и прочих, имеющих «землю в освобождении»... и больше не иметь ошибочных мер... Тех же, кто не будут поступать в соответствии с этим, наказать смертью (*θανάτῳ ζητεούσαι*).²³⁰ Как можно убедиться, на протяжении тысячелетий представления египтян о справедливости требовали, чтобы высокий статус не защищал чиновника от ответственности за преступления. Напротив, применяемое к носителю высокого социального статуса наказание отличалось большей суворостью в сравнении с тем, которое ждало нарушителя, не облаченного властными полномочиями. Этим законодатель, видимо, хотел подчеркнуть уровень социальной ответственности человека, имеющего доступ к властным ресурсам и призванный обеспечивать порядок, справедливость и законность.

Нельзя сказать, конечно, что на практике представители правящего класса в принятии хозяйственных и административных решений всегда были свободны от личных пристрастий и вовсе не допускали произвола. О том, что подобное в действительности имело место, свидетельствуют многочисленные источники. Один из них – «Повесть о красноречивом крестьянине», – иератический текст, сохранившийся в четырех папирусах эпохи Среднего Царства. В нем эмоционально изложена история о самоуправстве чиновников и вельмож, беззастенчиво грабивших население.

Конечно, описываемая в «Повести» процедура защиты жертвой самоуправства своих интересов выглядит художественным упрощением. Едва ли следует верить и тому, что египетские цари самолично участвовали в рассмотрении жалоб, поступающих от простых крестьян, не делегируя соответствующих полномочий своим подчиненным.²³¹ Но эта идеализация все же подтверждает имеющиеся у нас документальные сведения о свойствах древнеегипетской системы ограничения произвола чиновников – ее многоступенчатости и восприимчивости к жалобам ущемленных в своих правах людей.

Подводя итог нашим рассмотрениям, высажем сомнение в бесспорности точки зрения, согласно которой социально-экономическая система Древнего Египта являлась порождением и живым воплощением восточно-го деспотизма. Имеющиеся в нашем распоряжении нарративы говорят о

²³⁰ Там же, р. 185.

²³¹ Vogelsang F. Kommentar zu den Klagen des Bauern, Leipzig, 1913.

том, что ее структура оставляла египтянам определенный простор для проявления инициативы и предоставляла им возможность для социально-го роста, применяемые органами управления дисциплинарные санкции и меры принуждения не отличались чрезмерной жестокостью, а чиновничий произвол был окружен системой институциональных ограничений и по-мещен в рамки социального контроля, основанного на обратной связи. Все это дает нам основания заключить, что утверждение о деспотизме, царившем в Древнем Египте на протяжении всей его многотысячелетней истории, является скорее результатом неудачного научного конструирования, нежели отражением исторической реальности.